

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

последнего братского
духовника
Свято-Троицкой Сергиевой
Лавры схиархимандрита
Захарии (Егорченкова)

Публикации, исследования,
архивные документы,
комментарии

Тимофей Олегович Крючков

Жизнеописание последнего братского духовника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры схиархимандрита Захарии (Егорченкова)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74755741
Жизнеописание последнего братского духовника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры схиархимандрита Захарии (Егорченкова). Публикации, исследования, архивные документы, комментарии / Сост. Т. Крючков:
У Никитских ворот; Москва; 2026
ISBN 978-5-00246-662-7

Аннотация

Настоящим изданием предпринимается публикация исторических и биографических материалов и исследований о жизни последнего перед закрытием в 1918 году братского духовника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры иеромонаха Зосимы (Егорченкова; позднее – схиархимандрита Захарии), известного старца, окормлявшего в самые тяжелые для Христовой веры в России 1920–30 годы церковную Москву;

ученика и духовного собеседника Оптинских старцев, учителя Иисусовой молитвы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Необходимое предуведомление 7
Документальное исследование обстоятельств жизни лаврского духовника схиархимандрита Захарии (Егорченкова) 15
Семья. Детские годы 25
Поступление в Белобережский монастырь 34
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Жизнеописание последнего братского духовника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры схиархимандрита Захарии (Егорченкова). (Публикации, исследования, архивные документы, комментарии)

Сост. Т. Крючков

Издано в авторской редакции

© Оформление. Издательство
«У Никитских ворот», 2026

Необходимое предуведомление

Настоящим изданием предпримается публикация исторических и биографических материалов и исследований о жизни последнего перед закрытием в 1918 году братского духовника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры иеромонаха Зосимы (Егорченкова; позднее – схиархимандрита Захарии), известного старца, окормлявшего в самые тяжелые для Христовой веры в России 1920–30 годы церковную Москву; ученика и духовного собеседника Оптинских старцев, учителя Иисусовой молитвы. Жизнь старца Захарии была, казалось бы, неплохо известна московским верующим по распространявшемуся с конца 1950-х годов «самиздатовскому» жизнеописанию, ставшему весьма популярной книгой для чтения, особенно после того, как она была в самом начале 1990-х годов издана типографским способом и вошла в церковный обиход. При всей народной любви к жизнеописанию старца Захарии к тексту сохранялся ряд вопросов, ибо сама подача материала в этом повествовании и ряд не вполне понятных подробностей, донесенных через текст его составителями, зарождали у части верующих с критическим образом мышления сомнения в достоверности написанного. Отсутствие известий о самых обычных биографических подробностях, таких как место рождения, фамилия, сведения о родителях, даты поступления в монастырь и начала жительства в Лавре,

даты пострига, рукоположения и т. п., после ухода поколения людей, лично знавших о. Зосиму, порождало определенное недоверие, делая старца лицом полулегендарным. Причем сомнения эти были такого рода, что в иных каталогах духовной церковной литературы самиздатовское жизнеописание относили в разделы «художественная литература», а из уст довольно серьезных специалистов по церковной истории можно было слышать мнение, что о. Зосима – не реальное лицо, а собирательный образ. Все это требовало предпринять усилия к установлению подробностей биографии о. Зосимы, документирования событий его жизни на основании архивных и прочих материалов.

19 октября 2019 года останки старца Захарии были перенесены с Введенского Немецкого кладбища в Москве, где он был похоронен в 1936 году, в крипту под Успенским собором лавры на место, где прежде покоились мощи просветителя Алтая святителя Макария Невского, бывшего долгое время в качестве московского митрополита священноархимандритом Троицкой Сергиевой Лавры. Тогда же возникла и идея провести подробное изыскание в Лаврском архиве материалов с целью проверки и сопоставления бытовавших в среде православных верующих людей воспоминаний о старце Зосиме как записанных, так и передававшихся изустно в московской церковной среде и последнее время положенных на бумагу в нескольких разрозненных статьях, которые, увы, не увязывают хронологически описываемые в них события.

Подход настоящего издания – не составление жития подвижника благочестия, а, по возможности, полная и без купюр комментированная публикация найденных материалов, которые впоследствии могли бы стать основой искусно составленного в традициях русской житийной литературы церковного жизнеописания.

При формировании материалов к жизнеописанию старца мы сочли важным показать круг духового общения о. Захарии, под влиянием которого произошло его духовное становление. Поэтому под одной обложкой мы посчитали возможным объединить публиковавшиеся еще до революции жизнеописания рославльских и белобережских отцов (в частности, основателя Богородице-Смоленской Мелхиседековой Песчанской пустыни схииеродиакона Мелхиседека), продолжателем духовной традиции которых выступил о. Захария. Для получения же наглядного представления об обстановке, в какой протекала жизнь старца, мы постарались наполнить книгу иллюстрациями, портретами упоминаемых лиц, фотографиями и картами достопамятных для старца мест. В частности, старыми картами местности, где прошла ранняя юность будущего подвижника, на которых еще возможно найти погибшую во время боев 1942–1943 годов родную деревню о. Захарии. Карты также дадут представление о маршрутах паломничеств будущего схиархимандрита в Белокопытовскую пустынь и Мелхиседекову келию.

Здесь же впервые опубликованы использовавшиеся при

реконструкции событий жизни старца Захарии лаврские архивные документы. Читатель сможет, исследуя их самостоятельно, создать собственное впечатление о справедливости авторских и редакционных оценок и выводов, которые он найдет в сборнике. По сути, мы приглашаем православных людей к самостоятельному прочтению при помощи публикуемых новых материалов и исследований, исторических и духовно-нравственных комментариев уже давно знакомых ему текстов о старце Захарии.

Издание материалов о жизни старца Захарии немыслимо без возобновления публикации составленных сестрами Елизаветой и Екатериной Висконти по благословению самого старца записок о его жизни. Современному православному читателю этот материал хорошо известен, поскольку последние 30 лет неоднократно на его основе составлялись и печатались жизнеописания о. Зосимы, именовавшиеся «Жизнь. Труды и чудеса схиархимандрита Троице-Сергиевой Лавры Захарии». Особенность помещенного здесь под названием «Старец Захария. Записки сестер Ек. и Ел. Висконти» варианта состоит в том, что в его основе – максимально аутентичный, чудом сохранившийся переписывавшийся от руки текст, возобновляемый нами в том виде, как он ходил по рукам в среде верующих православных людей с конца 50-х годов прошлого века. Рукописное издание[1], кото-

[1] Один из экземпляров переписанного Жития (именно тот, что нами воспроизведен) хранила у себя Анастасия Федоровна Петрова (1916–2004) из Вышнего

рое здесь воспроизведено, датируется началом 1970-х годов. Нами предпринято научное издание этого рукописного текста, освобожденного от внесенных при публикации в 1990-х вставок, внутритекстовых собственных комментариев издателей, а равно и более ранних наслоений, во многом искажавших если не смысл жизнеописания, то его настроение, придававших ему некий налет детскости и благочестивого «сюсюкания», осложнявших его восприятие.

Мы особо обращаем внимание, что текст публикуется именно как исторический документ, который, как и всякий исторический источник, требует, с одной стороны, особого критического прочтения, а с другой, бережного к себе отношения, какие бы видимые противоречия в нем ни обнаруживались. Устранить или разрешить эти противоречия и недоумения призваны наши комментарии. Кроме того, текст воспринимается составителями сборника как литературный памятник эпохи гонений на Церковь, что также возлагает на

Волочка Тверской области. Она была фабричной работницей и певчей церковного хора в главном соборе города – Богоявленском. После пожара в ее деревянном домике ей пришлось перебраться на жительство в дом престарелых, где она и умерла. Спустя несколько лет, ее внучатая племянница Людмила Георгиевна Петрова, все это время видевшая сны про бабушкин дом, отправилась наконец сгоревшему домику разобрать то, что уцелело. К ее удивлению среди сгоревших вещей она увидела нетронутыми огнем Евангелие, икону Успения Пресвятой Богородицы и рукописное житие Старца Захарии. О бережности, с которой переписывалось жизнеописание, может сказать то, что в тех местах, где переписчик иногда путал порядок стоящих рядом слов, что бывает при списывании длинных текстов, им расставлялись над поменявшими порядок словами цифры (2, 1, 3 и т. д.), чтобы читающий имел представление, как текст выглядит в оригинале.

публикаторов ответственность за его аутентичность.

В смысле просто душеполезной литературы *Записки* покажутся многим читателям небезупречными. Причина в том, что они представляют собой не только восходящие непосредственно к старцу Захарии воспоминания и поучения, а включают множество иных собранных Висконти воспринятых на слух известий от различных лиц, знавших старца или нечто о старце, а потому отражают в себе и личные особенности их непосредственных источников – образование, темперамент, чувство ответственности, порой даже и склонность к творческой «обработке» изначальной фактологической основы их рассказов. Иногда эти части текста передают взгляды на современную им действительность не просто самих передавших их людей, но и вообще настроения церковной Москвы 1900-х, 1910-х, 1930–50-х годов XX века. С нашей точки зрения эти исторические «следы», при их оспоримости как назидательного чтения, обладают, тем не менее, научно-исторической ценностью и могут составлять предмет самостоятельного разговора, напрямую к о. Захарии отношения не имеющего. Донесенные без купюр настроения церковной Москвы, будучи восприняты именно как прямые и косвенные исторические свидетельства о состоянии церковной среды, мы надеемся, покажутся весьма интересными для церковного историка, поскольку показывают описываемые времена не как близкую к древнему «иконографичному» идеалу реконструкцию эпохи советских гонений,

но дают более глубокое и одновременно более тонкое представление о реальном положении дел, что отчасти позволит церковно-исторической мысли приблизиться и к пониманию причин происходивших в Русской Церкви в первой половине прошлого века нестроений. Бережно и вполне осознанно сохраняя аутентичные особенности текста, мы постарались подвергнуть его комментированию, касающемуся особенно тех мест, которые могли бы вызвать недоумение у благочестивого читателя. Будучи прочтенным с предложенных позиций, мы надеемся, новое издание будет не просто интересно в том числе и знакомому с ним читателю, но принесет и духовную пользу.

Другой возобновляемый здесь текст – жизнеописание старца схииеродиакона Мелхиседека, в пустыни на могиле которого о. Захария, будучи еще белобережским послушником, прожил (в среде остававшихся на то время учеников подвижника) перед поступлением в Лавру несколько месяцев, важных для его становления как монаха. Ранее иное более краткое жизнеописание о. Мелхиседека было включено в обширное многотомное издание «Отечественные подвижники благочестия XVIII–XIX веков», переизданное в 1990-е годы. Возобновляемый же здесь текст более точен и пространен, восходит непосредственно к основанной схииердиаконом Мелхиседеком Богородице-Смоленской Мелхиседековой пустыни и, будучи изданным в 1913 году, более не публиковался. Ознакомление с этим документом даст представ-

ление о монашеской традиции, идущей через пустынников Рославльских лесов, на которой в юные годы воспитывался старец Захария и с которой, как видно из других материалов, по выходе и поселении в Лавре он не утратил связи.

Документальное исследование обстоятельств жизни лаврского духовника схиархимандрита Захарии (Егорченкова)

Т. Крючков

Настоящее рассмотрение обстоятельств жизни старца и братского духовника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Зосимы (Егорченкова), в схиме Захарии, не претендует на самую строгую научность. Хотя был использован обширный исторический материал и многие документы, на которые ссылается эта работа, раньше внимания исследователей не привлекали. Однако, данный труд писался с конкретной целью, а потому точнее было бы называть его: «Благочестивое критическое прочтение имеющих хождение среди верующих православных людей воспоминаний (в первую очередь – *Записок Висконти*) духовных чад об отце Зосиме».

Записки эти важны уже тем, что составлены они по благословению самого старца. Во многом они сохраняют его живую речь и способ изложения богословской мысли. С точки зрения исследователя – это исторический документ, который таким и останется, несмотря на возможные фактоло-

гические огрехи и некоторые предвзятые, порой даже вопиюще несправедливые, и, во многом, недопустимо резкие оценки авторов-составителей упомянутых в тексте личностей или обстоятельств исторического фона. Эти оценки сами по себе полезны, будучи отчасти отражением настроений церковной Москвы того времени, когда писались воспоминания. Все это побуждает рассматривать проделанную работу как критическое комментирование этого документа, с определенными допущениями относясь к содержащимся в нем неточностям или даже ошибкам. *Записки Висконти* требуют бережного к себе отношения как у исследователя, так и у издателя, поскольку представляют собой памятник церковной письменности средины XX века и исторический документ. Имея дело с *Записками* как с историческим источником и исследователю, и просто внимательному читателю нужно подходить к нему с осторожностью и определенной долей благочестивой критичности, отдавая себе отчет, что в такого рода источниках находят отражение не только факты, но и масса мнений, связанных с настроениями людей, прямо или опосредованно поучаствовавших в формировании или трансляции подобных документов. С другой стороны, отношение к документу как к памятнику церковной письменности, означает уважительное отношение к аутентичности текста даже порой вопреки собственному несогласию с некоторыми тенденциозными местами текста.

Поэтому задача состояла в том, чтобы, сохраняя в перво-

начальном виде сам текст, обратить внимание читателя на перекаемые места и предоставить ему возможность составить свое мнение о справедливости предложенных версий и реальном ходе событий в жизни старца. По большому счету, исследование что-то уточняет, в чем-то меняет угол зрения читателя в восприятии жизнеописания, известного еще со времен «самиздата».

Анализ строился с привлечением материалов о жизни Троице-Сергиевой Лавры из открытых источников, а также из деловой лаврской документации конца XIX – первой четверти XX века, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА ф. 1204). Некоторые материалы, касающиеся московского периода жизни, удалось найти в Центральном государственном архиве Москвы. Материалы, касающиеся происхождения семьи старца можно найти в Государственном архиве Калужской области.

Помимо архивных материалов, дополнительным источником сведений об отце Захарии послужили воспоминания его самовидца – архимандрита Даниила (Сарычева)[2]. Его упоминания о старце в чем-то повторяют рассказанное в *Записках Висконти*. Но во многом – это свидетельство о личных встречах со старцем. В них содержатся интересные и полезные детали, которые используются и в настоящей работе.

---

[2] См.: Соколова О. А. «Мы все с вами встретимся…» Жизнеописание воспитанника Даниловских новомучеников архимандрита Даниила (Сарычева) и его рассказы о чудесах и подвижниках XX в. М., 2019.

Исследование ставило целью по возможности проверить достоверность того, что было записано о старце Захарии и поместить это в исторический контекст. Зачастую записанные духовными чадами рассказы и поучения старца для самих составителей без такого контекста оставались загадкой. Кроме того, апология достоверности таких сведений вызвана необычностью жизни отца Захарии. Многое из происходившего с ним, начиная от поступления в монастырь, покажется идущим вразрез с привычным представлением о монашеской жизни. Например, в самом начале своего монашеского подвига, не будучи даже еще послушником, он сподобился явлений Пресвятой Богородицы. С ним, еще неискушенным монахом, происходило нечто такое, что иначе как чудом назвать невозможно. Необходимость такой апологетики объясняется и тем, что воспоминания о старце Зосиме давно уже стали частью церковного обихода. Распространяемые с середины 1950-х годов, бережно переписываемые благочестивыми русскими людьми и даже переведенные на английский язык и изданные в США[3], с 1990 года они, выдержавшие многократные переиздания, используются духовенством в проповедях и благочестивых поучениях. Но в среде критически настроенных образованных церковных (и нецерковных) людей бытует мнение о полу-легендарности исто-

[3] An Early Soviet saint: The life of Father Zachariah / By one of his spiritual daughters; Transl. by Jane Ellis a with an introd. by John Lawrence. – Springfield (Ill.): Templegate, 1977. – XIV, 111 с

рических и биографических сведений о старце Зосиме. Порой доводилось слышать и такое, что отец Захария не более чем литературный персонаж. Отчасти повод к тому дает претендующий на художественное произведение (о литературных достоинствах которого можно спорить) жанр Записок и стиль изложения биографических событий. В наше время такие тексты, к сожалению, воспринимаются зачастую лишь как назидательное художественное чтение. По части историчности они подвергаются сомнению. Надеемся, что наше исследование поможет преодолеть сложившиеся стереотипы.

Сопоставление биографических и иных обстоятельств с данными лаврских архивных документов не могло не выявить различные шероховатости, неточности (например, путаница с именами собственными), и имеющиеся в тексте «авторские» очень вольные оценки и интерпретации описываемых событий. Все это, как минимум, объяснимо – ведь текст *Записок* включает в себя не только сделанные по просьбе самого отца Захарии записи, которые он буквально надиктовывал сестрам Висконти. Значительная их часть – это восстановленные по памяти беседы старца по самым разным поводам. Услышаны они были в разное время людьми с различными взглядами на жизнь, образованием, качеством памяти. Фиксирование таких личных воспоминаний происходило иногда по прошествии многих лет. Какие-то обстоятельства авторы записей додумывали, порой обнаруживая незна-

ние некоторых тонкостей лаврского, и, вообще, монашеского, быта и обычаев. Из-за этого часть изложенного может показаться современному знающему человеку странным. Места, где авторам записок не были ясны обстоятельства быта, как раз и позволяют определенно отделить авторские дополнения от надиктованного самим старцем. Но практически все сведения, которые можно было так или иначе проверить, получили в той или иной мере подтверждение. Во всяком случае, некоторую фактологическую основу они, как правило, имеют, и задача исследования, помимо прочего, состояла в отделении этого фактологического зерна описываемых событий от тенденциозных авторских оценок.

Безусловно, далеко не все, что есть в воспоминаниях, непосредственно подтверждается документами Лавры. Однако и такая «выборочная» статистическая проверка говорит о высокой степени достоверности рассказов. Не стоит считать камнем преткновения отсутствие в лаврском архиве прямых подтверждений тех или иных эпизодов повествования. Во-первых, нет уверенности, что и сам лаврский архив дошел до нас в первоначальном виде. Следует учесть, что гораздо важнее, характер лаврской документации. Это, в основном, бумаги хозяйственно-административного назначения: дела о монашеском постриге, приеме в послушники, рукоположении, переводах насельников из Лавры и в Лавру, амбарные книги, решения Собора Лавры по различным, в основном экономическим, вопросам. Обстоятельства, свя-

занные с коллизиями личных отношений братии монастыря, фиксировались, только если речь шла о чем-то из ряда вон выходящем. И касались, как правило, негативных сторон жизни, требовавших наказания провинившихся. То есть жизнь Лавры по данным архива выглядит весьма сухо, заурядно, но в действительности таковой не была. И это опять же подтверждается архивными материалами. Некоторые эпизоды, зафиксированные Висконти, изначально казавшиеся если не вымыслом, то домыслом и сильным преувеличением, – нашли самое прямое подтверждение в лаврской документации. Вероятно, отец Зосима в своих рассказах даже смягчал жесткость и драматизм происходящего: старец не хотел причинять своим чадам боль или смущать их излишними подробностями.

Разумеется, никакой проверке не подлежат отраженные в жизнеописании случаи благодатной помощи, чудес, откровений Божественного Промысла. Принимать или отвергать это – дело каждого читателя.

Далее по тексту везде, где воспоминания о старце обозначены как *Записки, Жизнеописание, Записки Висконти, Записки сестер Висконти,* имеется в виду находящиеся в приложении к данному исследованию воспоминания о старце Захарии, сверенные с аутентичным текстом, если считать таковым рукописный вариант, распространявшийся до 1970 года в «самиздате». Что же касается возникновения изначального текста Жития, то, по преданию, оно восходит

к Екатерине и Елизавете Висконти – духовным чадам старца. Одна из сестер, как следует из текста, была при нем секретарем, и именно ей отец Захария, видимо, уже чувствуя приближение смерти, надиктовывал повесть о своей жизни. Надо полагать, что те же сестры Висконти записали уже после смерти отца Захарии рассказы других свидетелей. Работа по вычленению этих фрагментов и атрибутированию их (составление воспоминаний и своего рода литературная обработка были завершены уже после 1951 года) в задачу данного исследования не входит. На участке Висконти Введенского немецкого кладбища старец был похоронен и останки его покоились до октября 2019 года, когда они были перенесены в крипту Успенского собора Лавры, на место, где до 6 июня 2011 года почивали мощи Московского митрополита равноапостольного Макария Невского, просветителя Алтая.

Безоговорочного автора у воспоминаний нет, и даже неискушенный в текстологии, но внимательный читатель найдет помимо записей самих сестер Висконти еще два или три пласта текста, написанного другими людьми и включенного в повествование. Это довольно позднее по отношению ко времени преставления старца окончание сбора материала обусловило некоторые акценты, звучащие в воспоминаниях. Так, в каких-то фрагментах на события начала XX века переносятся настроения, бытовавшие среди части церковных людей уже в советское время. Отчасти этим объясняется некая «оппозиционность», которая, вероятно, стала свой-

ственна окружению старца после «Декларации» митрополита Сергия. В некоторых местах, наоборот, в этой «оппозиционности» 30–40-х годов находят благодатную почву сомнительные рассказы кого-то из живших в начале века в Сергиевом Посаде чад старца, впитавших фрондирующие по отношению к старшей братии лавры настроения части населения города. Существование такой «благочестивой фронды» накануне и в годы «первой русской революции» отмечено лаврским архивом. Вдумчивый читатель обратит внимание на изложенные в этом духе «подробности» про наместника лавры архимандрита Товию и его отношения с о. Зосимой, которые не могли принадлежать самому старцу Захарии даже по стилю, не говоря уже про его монашеский образ мысли. Они явно восходят к этим проникшим в церковную среду, по сути революционным, городским настроениям, вошедшим в резонанс со своего рода народным церковным благочестивым ревнительством. При всей неадекватности этих рассказов и версий *Записки Висконти* в этой части сами по себе могли бы послужить довольно интересной иллюстрацией к истории отношений Лавры с внешней средой, а равно стать предметом размышления о причинах и природе русской церковной смуты 20–30-х годов. И безусловно любое исследование (да и просто благочестивое вдумчивое чтение) должно текстологически отделять такого рода некритично допущенные «вставки» в текст Висконти от личности самого схиархимандрита Захарии, а внутри самих рассказов – достовер-

ную фактологическую основу от такого рода фронды.

Другая текстологическая проблема – несоответствие между представлениями об отце Зосиме как о человеке малограмотном (старец действительно с трудом писал) и надиктованных им самим поучениях о Пресвятой Троице, молитвенном делании, восходящем к афонскому учению о непрестанной молитве, о реальности присутствия Бога в Его имени. Причем изложены эти богословские взгляды вполне грамотно, искусно, доступно, точно и явно намеренно как продолжение стройного и довольно пространного учения старца о молитве вообще. Уже одно это свидетельствует о том, что наше представление о старце Захарии не вполне адекватно его истинному образу, который «ускользал» от современников, а уж о потомках и говорить не приходится.

Семья. Детские годы

Мирское имя отца Зосимы (схиархимандрита Захарии) – Захар Иванович Егорченков. *Записки Висконти* и лаврские послужные списки фиксируют точную дату его рождения – 2 сентября 1850 года. В 1882 году в процессе сбора документов для поступления Захара Егорченкова в «указные послушники» Лавры пришло Увольнительное свидетельство, подписанное Любытинским волостным старостой Мосальского уезда Калужской губернии. Оно и стало на сегодня самым подробным источником биографических сведений о старце до 1870 года. В нем сказано, что на тот момент Захар Иванович Егорченков числился за номером 29 по 10-й ревизской сказке среди крестьян деревни Пальково (соответственно Лубинской волости). Однако в эту деревню его отец переехал лишь в 1874 году (уже после ухода Захара в монастырь), а до того семья жила в деревне Широкие соседней Любытской волости и числилась за господами Нарышкиными – теми самыми, что приходились родней матери Петра I. Это перекликается с аналогичными сведениями из *Записок Висконти*.

Ни деревни Пальково, ни деревни Широкие больше не существует, найти эти названия можно разве что на старых картах. Совхоз «Пальково» еще значился на военных картах 1941 года. Деревня Широкие обозначена там же, как «Ста-

рые Широкие». Не существует более и села Печки с церковью. К этому приходу была приписана деревня Широкие Новые, что в полутора верстах отсюда. Места, где раньше существовали эти поселения, относятся к нынешнему Спас-Деминскому району Калужской области и расположены в непосредственной близости от Варшавского шоссе, возле сохранившихся деревень Крисильниково и Лубинка, примерно в 300 км от Москвы.

Из того же Увольнительного свидетельства явствует, что к моменту его составления, т. е. к 10 июня 1882 года, главы семейства – Ивана Дмитриевича уже не было в живых. Мать же умерла, как сообщается в *Записках Висконти,* еще до ухода Захара в монастырь, то есть незадолго до 1870 года (точнее – между 1866 и 1870 гг.). Как говорил старец, семья их была по крестьянским меркам зажиточной, хозяйство – справным, «жили как хозяева». Действительно, переезд отца из Широкие в Пальково, как сказано в Увольнительном свидетельстве, сопровождался возвращением земельного надела[4] местной общине и получением земли в Пальково, после чего Иван Дмитриевич, как пишет староста, числился «хозяином». Примечательно, что примерно те же выражения – «жили как хозяева» – употреблены и в *Записках*. В них говорится и еще об одном важном обстоятельстве, которое впоследствии, как можно полагать, влияло на жизнь отца Зоси-

[4] Вероятно, речь идет о наделе, который бывшие крепостные получали из помещичьих земель.

мы и в монашестве. Отец его Иван Дмитриевич, человек добрый и глубоко верующий, усердно посещавший храм, был при этом подвержен страсти винопития. Висконти рассказывают о случаях, когда даже ребенок обличал в этой немощи отца. Старец уже годы спустя говорил о своих родителях как о людях богоугодной жизни: «Кто помянет моих родителей об упокоении, тех помянет Сам Бог». При этом надо иметь в виду записанное, надо полагать, со слов самого отца Зосимы, о его родителях: «Впоследствии, когда Захарушка стал старцем, он рассказывал, как разговаривая с бесом, он спросил его: „Есть ли у вас в аду христиане?“ – „Как же, – отвечает бес, – и твой отец был, да ты отнял его своими милостынями, творимыми за его душу, и молитвами“. – „А мать?“ – „Мать не была, она всю дорогу кусками хлеба забросала, мы не видели, где она прошла, хотя мы зорко смотрели“»[5].

Дата кончина Татьяны Минаевны – 31 октября (13 ноября по новому стилю).

Из метрических книг церкви во имя великомученика Георгия Победоносца в селе Печки Мосальского уезда, к приходу которого относилась и деревня Широкие, известно, что мать Ивана Дмитриевича, т. е. бабушку старца Захарии, звали Васса Ефимовна (1789 г. р.), дедушку – Дмитрий Игнатьевич. Прадед старца – Игнатий Георгиевич (1767 г. р.). Прабабушка Параскева Ефимовна (1767 г. р.). Вероятно, от

[5] См. С. 106. Здесь и далее при обращении к тексту *Записок Висконти* о старце даются ссылки на них в настоящем издании.

прапрадеда (Георгия-Егора) идет фамилия Егорченковы. О родных со стороны матери сведений нет. О самой же Татьяне Минаевне известно, что родом она из деревни Малышкина (ныне Малышкино того же Спас-Деминского района), принадлежавшей все тем же господам Нарышкиным[6].

У Татьяны Минаевны и Ивана Дмитриевича было одиннадцать детей. Захар оказался единственным оставшимся в живых сыном. Он появился на свет, когда родителям его было уже около 40 лет – отец родился в 1812 году, мать была старше мужа, родилась в 1808 году. Они сочетались браком 6 января 1831 года. 10 декабря того же года родился первый сын Данила. Он умер в 1854 году, 23 лет от роду, не оставив ни жены, ни детей. Вероятно, смерть молодого старшего сына надломила Ивана Дмитриевича. Именно этим можно объяснить его болезненную тягу к вину и страстное желание женить младшего, Захара.

Из прочих братьев и сестер старца в *Записках Висконти* упоминаются лишь Анисья (старше Захарии на 5 лет) и Мария. По метрическим данным известно еще и о младшей сестре Улиании (род. 1854 г.). То есть в семье было пятеро сыновей и шесть дочерей, из которых по именам известны лишь три. Отсутствие метрических сведений о других детях означает, что, скорее всего, они умерли в младенчестве.

---

[6] Сведения о родных старца Захарии получены из документов, хранящихся в Государственном архиве Калужской области (ГАКО):Ф. 33, оп. 2, д. 1337, л. 459, 461 об., 462.Ф. 33, оп. 1, д. 4258, л. 924, 927 об., 928.Ф. 86, оп. 3, д. 423, л. 235, 447 об., 448.Ф. 549, оп. 2, д. 26, л. 357 об., 362.

Со старшей сестрой Марией у Захара были особенно близкие отношения. Именно она, как пишут Висконти, помогала ему исполнить намерение уйти в монастырь. Она бывала у старца в Лавре – жизнеописание вскользь упоминает, что сестра отца Зосимы Мария была исцелена от слепоты по молитвам жившего в Александро-Мариинской богадельне (напротив Лавры) блаженного Николая[7], которого как священник окормлял отец Зосима. Чудесное исцеление это могло быть около 1907 года. В *Записках* приводятся предсказания блаженного Николая о закрытии Лавры за десять лет до революции. Судя по тому, что отец Зосима, согласно воспоминаниям, блаженного Николая причащал, то был он уже в иерейском сане. Сам отец Зосима с ним познакомился не ранее 1904 года. Стало быть, и Мария могла общаться с Ни-

[7] В Москве на Ваганьковском кладбище сохраняется могила, ранее считавшаяся местом упокоения Блаженного Николая, с указанием: «Ивансон (Иогансон) Николай Александрович (Оскарович)». Умер, как следовало из надписи на памятнике, в 1915 году. Однако и памятник, и надпись на нем о том, что в могиле покоится тот самый Николай Оскарович Иогансон, появились уже в наше время, вероятно, после выхода из печати записок о старце Захарии. Ранее на могиле был скромный крест, на котором значилось лишь «блаженный Николай». Но недавно хранители могилы исправили надписи на современном памятнике, закрыв их мраморной накладкой, на которой фамилии «Иогансон» уже нет, а есть просто «Блаженный Николай». Изменена и дата смерти покоящегося под камнем блаженного. Произошедшее говорит о том, что бытописатели и хранители ваганьковских захоронений изменили мнение относительно того, что в могиле погребен именно блаженный Николай Иогансон. По некоторым сведениям, погребен в ней другой московский подвижник – блаженный Николай-водовоз. Могила почитаема богомольцами, они просят у блаженного Николая об исцелении болезней ног.

колаем примерно в это время. Согласно сведениям Висконти, Мария после исцеления прожила еще десять лет, умерла около 1917 года в глубокой старости. Учитывая, что она была старше брата на пятнадцать лет (о чем известно из метрических данных), она вполне могла дожить до 82 лет.

Многое уже в детские годы Захара говорило о том, что ему уготован монашеский путь. И характер игр (со сверстниками он часто играл в священника, где роль «попа» товарищи отводили именно ему), и невероятная тяга к молитве указывали на его неотмирность. Мальчик на ярмарке раздаривал беднякам привезенные для продажи яблоки. Повзрослев, он уединяется в лес для молитвы. В *Записках* об этом речь не идет, но можно предположить, что исчезновения «в лес» на двое-трое суток могли быть связаны с посещением монахов-подвижников, обитавших тогда в Жиздринских и Рославльских лесах, недалеко от родных мест Захара. Так, по прямой от Старых Широких до Мелхиседековой пустыни, о которой речь впереди, тридцать с небольшим километров. Это суточный пеший переход налегке для молодых ног.

Особенности поведения младшего сына встревожили мать. Почему-то ей показалось, что он «не жилец», что такая отрешенность грозит ему гибелью. Видимо, что-то в нем напоминало ей судьбу умершего старшего Даниила, тоже неотмирного юноши, так и не женившегося к 24 годам. Для крестьянской среды это было необычно. Прозорливый священник приходского храма, отец Алексий, к которому женщина

пришла со своими страхами и сомнениями, предрек напуганной матери, что сын ее проживет до глубокой старости, но опорой родителям не станет – он будет монахом[8]. После разговора со священником мать втайне от отца дала сыну благословение на уход в монастырь.

Кто был этот прозорливый священник? В метрических книгах ранее названного храма во имя Святого Великомученика Георгия Победоносца села Печки в записях 1851 года упоминается священник Алексей Николаевич Волков. Именно он и крестил Захара. А поскольку у Висконти о пророчествовавшем отце Алексии говорится как об очень пожилом человеке («лет ста»), то вполне возможно, что он-то и есть тот самый священник Алексей Николаевич Волков.

В Послужных списках Лавры[9] указано, что отец Зосима получил «домашнее образование». Впрочем, такая же запись сделана относительно практически всех монахов, происходивших из крестьян, и означает она, вероятно, отсутствие какого бы то ни было систематического образования вообще при минимальных навыках грамоты и счета. Но по *Запискам Висконти* сам старец упоминал про свое обучение «в городе». В 1866 году в возрасте шестнадцати лет он был отдан отцом работать в рогожную мастерскую. Как говорил отец Захария, менее всего это его образование касалось грамматики. В жизнеописании сказано, что «город», в ко-

---

[8] См. с. 105.

[9] РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ч. 15, д. 24985, 1990 г. ПС., л. 47 об. 48.

тором была рогожная мастерская, отстоял от родной деревни на семь верст. Ближайший относительно значимый населенный пункт, который мог быть этим «городом» – это нынешний Спас-Деминск. Он находится примерно в пятнадцати километрах от того места, где была родная деревня Захара. Правда, статус города Спас-Деминск получил уже в 20-е годы XX столетия. А в те времена это было бывшее имение Нарышкиных, для которого Александр Михайлович Нарышкин добился статуса «местечка». По своему положению для других нарышкинских крестьян такое местечко вполне могло сойти и за город. В Спас-Деминске было 4 000 жителей, проводилось восемь ярмарок в год. Возможно, именно туда Иван Дмитриевич Егорченков ездил с маленьким сыном продавать табак и яблоки, которые добродушный Захарушка умудрялся раздавать «за так». В Спас-Деминске действительно было развитое рогожное производство. Этот промысел считался главным для Мосальского уезда. В городке к концу XIX века, помимо того, что в каждом дворе было по одному-два станка, действовали семь рогожных фабрик на 400–500 рабочих мест, производивших до полутора миллионов рогож в год. Так что, вероятно, Захар попал не просто в мастерскую, а на фабрику, где была возможность учиться в организованной при ней школе для повышения грамотности рабочих.

О качестве того образования можно судить по Послужному списку братии Лавры за 1904 год, где говорится о негод-

ности отца Зосимы к послушаниям ввиду его малограмотности[10]. Да и многие годы спустя старец писал с трудом. Однако добавим, что в жизнеописании есть краткое упоминание, что отец Зосима проходил обучение «всяким наукам» под руководством «архимандрита Николая», о котором иных сведений мы пока не имеем. В лаврском архиве, в документах, из которых мы узнаем подробности подготовки отца Зосимы к священнической хиротонии, действительно есть упоминание об экзамене. Надо полагать, что к этому экзамену и готовил его вместе с другими братиями, назначенными к поставлению в священный сан, отец Николай, о котором Висконти говорят как о лаврском учителе отца Зосимы. Монастырский архив, правда, указывает, что с готовящимися к хиротониям насельниками, в то время, когда это могло касаться самого отца Зосимы, занятия проводил казначей отец Никон[11]. Можно предположить, что записывавшие за старцем не точно уловили и запомнили имя его наставника.

[10] РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ч. 15, д. 25041, 1904 г. ПС., л. 46 об. 78.

[11] Будущий архиепископ Вологодский Никон (Рождественский), а тогда лаврский казначей, редактор Троицких листков, автор жизнеописания прп. Сергия Радонежского.

Поступление в Белобережский монастырь

В возрасте около двадцати лет Захар ушел в монастырь. У отца он спросил лишь разрешения идти на богомолье в Белобережский монастырь[12], чтобы «поклониться Троеручице». Упоминание о «Троеручице» не случайно. Белобережская пустынь находилась в десяти верстах от Брянска, на месте, где в XVII веке была встречена привезенная с Афона икона Богородицы «Троеручица» (первый известный в России список). Захар же свой уход объяснил именно желанием исполнить за умершую мать данный ею обет: поклониться «Троеручице» – главной святыне монастыря. В честь этой иконы Пресвятой Богородицы в обители тогда возводился благолепный храм. Закончен он был примерно в это самое время, освящен позднее – в 1876 году.

Белобережский монастырь не был для России рядовым. В начале XIX века монашескую жизнь в обители восстановил ученик преподобного Паисия (Величковского) – афонский монах Василий (Кишкин)[13]. С 1804 по 1808 год – настоя-

---

[12] Брянская Белобережская Иоанно-Предтеченская мужская пустынь. В наше время в обители возобновлена монашеская жизнь (Брянский район, поселок Белобережский Санаторий (турбаза), улица Центральная, здание 12).

[13] Прославлен в лике святых в 2017 г. Мощи пребывают в Площанской Казанской Богородицкой пустыни (Брасовский район Брянской области, пос. Пчела).

телем (строителем) пустыни был другой ученик молдавских афонских старцев – преподобный Лев (Леонид) Оптинский (Наголкин). С 1808 по 1810 год возглавлял ее ученик преподобного Василия (Кишкина) – иеромонах Мелхиседек[14]. Насельниками там были ученики преподобного Паисия (Величковского): приехавшие из Нямецкого монастыря схимонах Афанасий (Охлопков) и монах Клеопа, схимонах Феодор, приглашенный из Чолнского монастыря. По сути, афонская традиция преподобного Паисия (Величковского) пришла к оптинцам с промежуточной «остановкой» в Белобережской пустыни. Монастырь, видимо, хранил во многом и афонские традиции, был связан и с Оптиной пустыней.

Игумен Израиль, строитель Белобережской пустыни, согласился принять Захара в число братии. Но при условии, что тот испросит благословение старца Амвросия Оптинского. Другим требованием игумена Израиля было принести паспорт, что в общем-то означало по правилам того времени формальное согласие на принятие в число братии.

О времени похода в Оптину, о котором подробно рассказано в *Записках,* можно судить по следующим наблюдениям.

---

[14] Архимандрит Мелхиседек (Максим Петрович Сокольников), в 1797 г. ушел послушником в Оптину пустынь, пострижен в Курской-Коренной. Помимо Белобережской был настоятелем в ряде монастырей, наиболее продолжительное время – московского Симонова монастыря (1821–1851) и Воскресенского Ново-Иерусалимского (1851–1853). Примечательно, что у дяди Максима Сокольникова приказчиком одно время состоял будущий оптинский старец Лев Наголкин.

Отец Зосима говорил, что его побег в монастырь состоялся на Лазареву субботу. А в 1870 году она приходилась на 4 апреля (ст. ст.). По тексту Висконти в Оптиной Захария побывал тоже в апреле: он боялся переправиться через реку вплавь, поскольку было холодно – «только апрель». Между этими двумя апрельскими событиями должны бы уместиться дорога из дома в Белые Берега (190 км, т. е. 7–9 дневных пеших переходов), а также пятнадцать упомянутых Висконти просьб к игумену о принятии в монастырь и его отказы, на что тоже ушло какое-то время. Пешком переход из Белых Берегов в Оптину – 160 км, то есть 4–5 дневных переходов. Теоретически эти события могли уложиться в три с половиной недели. То есть до конца апреля 1870 года Захария в Оптину мог и успеть. Хотя, скорее всего, между апрелем 1870 года, когда он пришел в монастырь, и апрельским походом в Оптину пустынь, описанным Висконти, прошел целый год, проведенный на послушаниях в Белобережской обители.

На поступление в монастырь Захария получил благословение и от преподобного Амвросия, и от преподобного Илариона, который ушел в затвор, приняв схиму, в марте 1872 года. Как сказано, старец Иларион встретил его еще относительно бодрым. Стало быть, речь идет об апреле – мае 1870 или апреле – мае 1871 года как о времени посещения Оптиной пустыни. В Центральном государственном архиве Москвы (ЦГАМ) есть составленный 17/30 января 1922 года

послужной список иеромонаха Зосимы, исполняющего дела настоятеля церкви во имя преподобного Саввы на Саввинском подворье в Москве[15]. В нем указано, что послушником Белобережской пустыни он стал в марте 1871 года. Вероятно, это и есть дата, когда строитель пустыни отец Израиль согласился оставить молодого человека в монастыре, после чего Захарий мог считать себя уже не просто богомольцем, а послушником.

Вопреки воле отца-строителя Белобережской пустыни игумена Израиля, за паспортом Захар к волостному старшине так и не зашел, а сразу же вернулся в монастырь, намереваясь там отговеть, а после выдержать непростой разговор с отцом и выправить документы, которых от него ждал игумен. Однако юноша заболел и был помещен в Брянске в больницу, где пробыл между жизнью и смертью несколько месяцев. Следует обратить внимание на обстоятельство, которое, с одной стороны, вызвало неприятие у монастырского начальства, а с другой – кажется примечательным, поскольку рефреном, будто неслучайно, постоянно всплывает в *Записках*. Попавший в больницу послушник отказался от назначенных ему лекарств[16]. Вероятно, это было предметом некого обсуждения с духовниками и стало своего рода камнем преткновения. Но казус с лекарством проходит в тексте как случайный эпизод. И, тем не менее, вопрос этот еще трижды

[15] ЦГАМ, ф. 2303, оп. 1, д. 224, л. 200 об, 201.

[16] См. с. 115.

в *Записках* о старце возникает. Так несколько лет спустя, Захария, уже живя в Лавре, в каком-то отчаянии от страха смерти, совершил нечто прямо противоположное: страстно желая исцелиться, он, не советуясь с врачами, начал глотать без разбора лекарства, попавшиеся ему под руку. Такая возможность у него была, поскольку он нес послушание в монастырской лечебнице. Захария отпивал понемножечку снадобья у каждого из тех, за кем ухаживал. Разумеется, пользы такое «лечение» не принесло, и можно только удивляться, как Захария еще сильней не заболел. Несколько десятилетий спустя отражением этой темы, вероятно, также связанной с угрозой самой жизни, стало благословение старца Варнавы Гефсиманского не принимать лекарств. Причем наказ этот прозвучал дважды. Что при этом конкретно имелось в виду, так и осталось загадкой.

Как сказано в *Записках,* в то время, пока Захария оставался в Брянской больнице, произошло чудесное событие, позволяющее датировать время его пребывания в Белобережской пустыни. Во сне ему явился умерший к тому времени игумен Израиль, после чего произошло внезапное исцеление. Дата смерти строителя пустыни известна – 1871 год. По логике повествования, умер игумен либо во время похода Захара в Оптину, либо во время его болезни. То есть и посещение Оптиной произошло, вероятно, в 1871 году, через год после поступления в Белобережскую пустынь.

Явившийся во сне Захарии покойный игумен Израиль

повелел исцелившемуся послушнику возвращаться в монастырь даже вопреки тому, что новый его строитель был против появления странного юноши, отвергавшего лечение. В монастырь его все же приняли, хотя и без особого желания. Но, видя слабость не до конца еще поправившегося молодого человека, новый игумен[17] настаивал на возвращении его домой, чего Захар умолял не делать. Но ему снова явился во сне покойный игумен Израиль, велел не противиться воле настоятеля. Вызванный монастырским начальством отец увез Захара домой на поправку. Видя, что на уход сына в монашество есть определенно воля Божия, Иван Дмитриевич, как и предсказал старец Амвросий Оптинский, более не стал противиться намерению сына. Но в Белобережскую пустынь тот больше не вернулся.

Записки фиксируют, что Захар несколько месяцев прожил у некоего отца Даниила – в пустыни, на месте подвига «старца Мелхиседека». Вне всяких сомнений речь идет о пустыне, основанной схииеродиаконом Мелхиседеком, недалеко от станции Песчаной (на реке Хотоже) на Хотожской даче, принадлежавшей известному промышленнику Ивану Акимовичу Мальцову[18]. К началу XX века монашеская об-

---

[17] В жизнеописании игуменом Белобережского монастыря, сменившего в 1871 г. игумена Израиля, назван Иосиф. Вероятно, это ошибка. Игумен Иосиф действительно настоятельствовал в монастыре, но позднее, с 1881 по 1883 г. Авторы, надо полагать, имели в виду иеромонаха Иоасафа, бывшего строителем монастыря с 1872 по 1881 г.

[18] Имя это на слуху по знаменитому «мальцовскому хрусталю». В Песчаной

щина в лесу на месте келии схииеродиакона Мелхиседека разрослась и приобрела статус скита Российского императорского Палестинского общества, приписанного к другому скиту ИППО – Сергиевскому. К 1915 году это было уже самостоятельный штатный монастырь. Однако после 1917 года обитель была разорена. На ее месте появился поселок Гурики, который просуществовал до 1970-х годов, но тоже запустел и разрушился. К нашему времени известно лишь место могилы старца Мелхиседека, где установлен крест.

Несколько слов о самом схииеродиаконе Мелхиседеке. Пустынь возле Песочной неслучайно была выбрана Захаром в качестве места временного пребывания. Вероятно, неофициально, это был скит при Белобережском монастыре. Схииеродиакон Мелхиседек тоже был монахом этой же Белобережской пустыни, где прожил до своего уединения в лесу пятьдесят лет. Поселился он в Белобережской пустыни в 1760 году. По неизвестным причинам покинул ее в 1810 году, будучи 90 лет отроду, и удалился в Рославльские леса, где в то время спасалось множество монахов-келиотов. Среди них подвизались будущие оптинские старцы – братья Путиловы – преподобные Моисей и Антоний. Там же, оставив настоятельство в Белобережской пустыни (практически одновременно с отцом Мелхиседеком), подвизался несколько лет и будущий оптинский старец Леонид Наголкин (преподоб-

---

(ныне районный центр Калужской области, г. Киров) у Мальцова был завод, в наши дни – это Кировский фарфоровый завод.

ный Лев Оптинский). Над келиотами никакое епархиальное начальство не довлело. В 1825 году правительство стало арестовывать рославльских подвижников и водворять их по монастырям. В итоге Леонид Наголкин оказался сперва на Валааме, а после – в Оптиной пустыни. Старец же Мелхиседек ушел в жиздринские леса (Калужская губерния), где в итоге (в 1837 г.), ему и позволил поселиться на своей «даче» на реке Хатожке местный крупный помещик и промышленник Иван Акимович Мальцов, державший в Песочной крупный фарфоровый завод. Там схииеродиакон Мелхиседек прожил до самой своей кончины в 1840 году. Почил он 110[19]

[19] По другим источникам – возраст его кончины – и 115, и 125 лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.